

С другой стороны этого зимовца находилась комната Се Цяо из прошлой жизни. Она была рядом с комнатой Лу Цзюэ и соединялась с ней, чтобы Лу Цзюэ мог легко заботиться о Се Цяо. Именно поэтому госпожа Лу разместила его здесь.

Лу Цзюэ привёл Се Цяо в подготовленную для него комнату, где уже было всё необходимое. Маленький узелок, принесённый Се Цяо, был положен на кровать, а две глупые рыбки уже были устроены. Лу Цзюэ указал на одну из дверей:

— Эта дверь не заперта, за ней находится моя комната. Если у тебя будут какие-то дела, просто открой дверь и приходи ко мне.

Се Цяо кивнул, но прежде чем он успел что-то сказать, вошёл управляющий, добродушно улыбнулся Се Цяо и сказал Лу Цзюэ:

— Молодой господин, вас ищет тот самый из семьи Лин. Он ждёт у входа в ваш двор.

Лу Цзюэ нахмурился:

— Зачем он меня ищет?

— Лу Хуайюй! Выходи!

Едва управляющий закончил говорить, как на улице раздался резкий голос подростка — очевидно, тот не стал ждать, пока управляющий доложит, и сам ворвался во двор.

Лу Цзюэ нахмурился ещё сильнее и, взяв Се Цяо за руку, вышел из комнаты.

Увидев, что кто-то вышел, подросток сразу же продолжил:

— Лу Хуайюй! Не думай, что теперь, когда ты в милости у императора, я стану тебя уважать! Кто это?!

Се Цяо, глядя на указательный палец подростка, улыбнулся с глубоким смыслом.

Лин Даюань, также известный как Лин Фэньюнь, единственный сын семьи Лин из Цзиньлина. В течение некоторого времени Се Цяо испытывал к этому человеку сложные чувства.

Потому что этот человек был его предупреждением.

Он явно любил Лу Цзюэ, но был настолько глуп и незрел, что постоянно искал с ним ссоры. Он был гордым, но юный Лу Цзюэ был ещё гордее. Его семья была знатной, но семья Лу была ещё

знатнее, поэтому они постоянно соперничали, и каждый раз, когда Лин Даюань искал ссоры, Лу Цзюэ жёстко его наказывал, но он продолжал нарываться на неприятности снова и снова.

После того как всё изменилось, однажды он наконец признался Лу Цзюэ в своих чувствах, и Се Цяо увидел, что происходит, когда человек, подавлявший свои чувства, наконец открывает их тому, чьё сердце уже занято другим.

Именно поэтому, холодно наблюдая за его судьбой, Се Цяо ещё сильнее подавлял свои чувства, ни за что не позволяя Лу Цзюэ заметить хотя бы намёк на них, потому что, если бы они хоть немного просочились, он бы полностью потерял Лу Цзюэ. Потерять того, кого он не мог позволить себе потерять, было бы для него абсолютно неприемлемо.

Подросток выглядел примерно одного возраста с Лу Цзюэ, одетый в светло-жёлтый парчовый наряд. Его глаза, широко раскрытые, смотрели на Се Цяо, словно пытаясь прожечь его взглядом. Он дрожащим голосом спросил:

— Это... это... Лу Хуайюй, когда у тебя появился такой большой ребёнок?!

Лу Цзюэ: «...»

Лу Цзюэ, слегка раздражённый, потер виски:

— Какое это имеет отношение к тебе?

Лин Даюань был настолько ошеломлён, что не мог вымолвить ни слова, его лицо покраснело. Лу Цзюэ спросил:

— Зачем ты сегодня пришёл?

Лин Даюань на мгновение застыл, затем вытащил меч из ножен и, указывая на Лу Цзюэ, сказал:

— Конечно, чтобы сразиться с тобой на мечах. Я не верю, что не смогу тебя победить!

— Ты специально пришёл ко мне домой вечером, чтобы сразиться на мечах? — Лу Цзюэ выглядел крайне недоуменно. — Хотя у нас есть некоторые разногласия, тебе не нужно ненавидеть меня настолько, чтобы приходить ко мне домой вечером и искать ссоры. Тебе больше нечем заняться?

Се Цяо едва сдержал смех. Его старший брат был человеком открытым и прямолинейным, но в вопросах любви он был крайне невнимателен. Лу Цзюэ, любивший его брата, тоже не был полностью бесчувственным, но как он мог быть настолько глух к таким вещам? Посмотрите на

этого господина Лина, его лицо уже готово было превратиться в палитру красок.

— Я... я... — Лин Даоюань, казалось, вот-вот лопнет от напряжения, но смог выдать только:

— Что, ты боишься? Если не будешь сражаться, ты трус!

— Сражаться, — Лу Цзюэ отодвинул Се Цяо подальше, небрежно вытащил свой меч и, указывая на клинок противника, серьёзно сказал:

— Разве я сказал, что не буду?

Юный Лу Цзюэ был гордым и прямым, он не мог терпеть вызовов и всегда сражался изо всех сил, никогда не давая поблажек. К тем, кто сам искал с ним ссоры, он также не проявлял снисходительности.

Поэтому, когда меч Лин Даоюаня был выбит, и Лу Цзюэ, держа меч, приставил его к шее противника, он с улыбкой, полной юношеского задора, сказал:

— Тот, кто проиграл, и есть трус.

После поединка Лу Цзюэ убрал меч и, подняв подбородок, спросил Лин Даоюаня:

— Что ты ещё хочешь сказать?

Лин Даоюань, слегка раздражённый, пнул меч на земле и, сменив тему, с обидой сказал:

— Лу Хуайюй, хотя у нас есть разногласия, мы знакомы с детства. Как ты мог жениться в Чанше и не сказать мне об этом?

— Кто женился?

— Если ты не женился, откуда у тебя такой большой ребёнок?! — Лин Даоюань снова дрожащим пальцем указал на Се Цяо, который наблюдал за всем с улыбкой.

Лу Цзюэ, с выражением полного недоумения, ответил:

— Он брат императора.

Лин Даоюань: «...»

Лицо Лин Даоюаня снова стало похоже на палитру красок, и, не поднимая меч с земли, он выбежал из двора Лу Цзюэ, бросив на ходу:

— На зимней охоте императора я снова брошу тебе вызов! Приз будет мой!

Лу Цзюэ, наблюдая за его уходом, только покачал головой. Он поднял меч Лин Даоюаня и отдал его управляющему, затем подошёл к Се Цяо и погладил его по голове:

— Уже поздно, тебе пора спать.

Снаружи он был юношей, полным задора и гордости, но, разговаривая с Се Цяо, его лицо озаряла мягкая улыбка. Снаружи он был угловатым, но свою мягкость он отдавал Се Цяо. Так было в этой жизни, так было и в прошлой.

Поэтому Се Цяо подумал, что совершенно нормально, что Лу Цзюэ стал его навязчивой идеей на две жизни.

С неизвестным чувством он спросил:

— Брат Хуайюй, ты ненавидишь того человека?

Лу Цзюэ просто поднял Се Цяо на руки и занёс в его комнату, смеясь:

— Не смотри на его высокомерный вид, в нём нет зла. Зачем мне его ненавидеть? А если он ненавидит меня, это его дело.

Се Цяо помолчал несколько секунд, намекая:

— Я думаю, он, возможно, больше хотел бы, чтобы ты его ненавидел. Если бы это был я, я бы хотел.

Лу Цзюэ рассмеялся, поставил Се Цяо на мягкую кровать и, присев, ткнул его в нос:

— Ты что, с ума сошёл? Кто в этом мире хочет, чтобы его ненавидели?

Се Цяо со сложным выражением лица смотрел на искрящиеся чистые глаза Лу Цзюэ в свете свечи и думал: «Брат Хуайюй, сумасшедший не я, а ты. У тебя самое искреннее и завораживающее сердце, и каждый, кто его видит, хочет его заполучить. Но в твоём сердце уже есть кто-то, и ты даже не замечаешь чужой любви и желания».

Ты говоришь, что его ненависть к тебе — его дело. Но если бы ты узнал, что он любит тебя, ты

бы, наверное, ответил так же.

Это может свести с ума.

— А если однажды и я начну тебя ненавидеть? — спросил Се Цяо, глядя в глаза Лу Цзюэ. Если однажды я скажу тебе, что люблю тебя?

Лу Цзюэ совсем не понял скрытого смысла в словах Се Цяо, решив, что тот просто шутит. Он поднял бровь и постучал по голове Се Цяо:

— Маленький неблагодарный, я так хорошо к тебе отношусь, а ты ещё и ненавидеть меня собираешься?

Се Цяо смотрел на Лу Цзюэ, не говоря ни слова.

Лу Цзюэ улыбнулся, и в его глазах, похожих на полумесяцы, свет свечи, казалось, превращался в сияющую реку. Он согнул свою белую, как нефрит, руку и пощекотал нос Се Цяо:

— Если однажды ты скажешь, что ненавидишь меня, мне, вероятно, будет очень грустно.

Се Цяо широко раскрыл глаза. Лу Цзюэ встал, ткнул его в лоб и, улыбаясь, сказал:

— Не думай о глупостях, уже поздно, ложись спать.

Лу Цзюэ устроил Се Цяо, лично распорядился, чтобы служанка присматривала за ним ночью, и только затем вернулся в свою комнату.

Прошло ещё три дня, и ранним утром Лу Цзюэ повёл Се Цяо на императорские охотничьи угодья. Зимняя охота, о которой говорил Лин Даюань, должна была состояться в этот день.

Эту зимнюю охоту организовал его старший брат, и все знатные семьи Цзиньлина должны были присутствовать. Ли Минбэй и Лу Цзюэ помогали его брату организовать эту охоту, чтобы проявить милость и укрепить власть.

<http://bllate.org/book/15506/1377330>